

Корконосенко Сергей Григорьевич

доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, e-mail: sk401@mail.ru

Sergey G. Korkonosenko

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: sk401@mail.ru

---

НОРМАТИВНЫЕ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

В статье рассматриваются подходы к формированию нормативных теорий журналистики. Автор оценивает классификации, принятые в западной науке, и предлагает типологию теорий, которая отражает российские традиции исследования прессы. Выводы строятся на основе историко-ретроспективного анализа. Утверждается, что для России характерны директивный, профессионально-деонтологический и профессионально-прагматический типы нормативности. Директивный тип нормативности — порождаемый и вводимый в практическое действие силой административного распоряжения. Профессионально-деонтологический тип нормативного понимания журналистики — тот, в котором личностное самоопределение журналиста выходит на первый план. Профессионально-прагматический тип нормативности предполагает понимание газетно-журнального дела как высокоразвитой индустрии. Перечисленные типы представлений о журналистике далеко не полностью совпадают с классификациями нормативных теорий прессы, предлагаемыми зарубежной литературой, — ни с канонизированными, ни с относительно новыми.

Ключевые слова: журналистика, нормативная теория, Россия, деонтология, историческое развитие.

NORMATIVE THEORIES OF JOURNALISM IN RUSSIA: A RETROSPECTIVE OBSERVATION

The article discusses some approaches to the formation of standard theories of journalism. The author evaluates the classifications adopted in Western science, and proposes a typology of theories that reflects the Russian traditions of studying of the press. The conclusions are based on historical and retrospective analysis. It argued that Russia is characterized by a directive, professional and deontological and professional and pragmatic types of normativity. The directory type of normativity — is generated and introduced into practical action force administrative order. The professional and deontological type of normative understanding of journalism — is that one in which personal

self-determination of the journalist comes to the fore. The professional and pragmatic type of normativity involves the understanding of the newspaper and magazine business as a highly developed industry. These types of views about journalism are not completely consistent with the classifications of normative theories of the press, which are proposed foreign literature — neither canonized nor with relatively new.

Keywords: journalism, normative theory, Russia, deontology, historical development.

Как и ряд других научных понятий, **понятие нормативности** вошло в отечественный терминологический словарь из зарубежных источников и, соответственно, имеет явно заметную «импортную» окраску. Вот как, например, описывается состав теорий в политологии: «В университетах Запада параллельно сосуществуют два академических предмета, составляющих политическую теорию: политическая философия (нормативная политическая теория) и политическая наука (эмпирическая политическая теория, близкая к тому, что в России получило название "политология")... *Нормативные теории* говорят о том, каким должен быть мир... Нормативные теории защищают нормы и ценности» [2, с. 10].

Автор ни в малейшей степени не заслуживает упрека во вторичности своей классификации, тем более что в подзаголовке публикации значится: «Опыт Запада». И все же сильное влияние зарубежных подходов следует признать типичным для отечественной политологии, которая как научная дисциплина сформировалась значительно позже, чем западная, и «по ее следам».

Однако нас более всего интересует понимание нормативности как *качества теории*. В приведенном примере эта характеристика слышна вполне отчетливо (теории «говорят о том, каким должен быть мир»). Понимаемый таким образом нормативизм отграничивается от функционализма — анализа деятельностных характеристик социального объекта. Нормативность ассоциируется с идеалом, который проецируется на

практику, выступая для нее как эталон поведения. Именно так выглядит описание нормативных теорий в литературе по вопросам журналистики и массовых коммуникаций. Приведем высказывание одного из наиболее активных исследователей данной проблематики: «Теории, которые принято называть "нормативными", имеют дело с представлениями о том, "как медиа должны работать или чего от них ждут"...» [3, с. 18].

Поскольку в своих суждениях автор опирается на труды европейского теоретика коммуникативистики Дениса МакКуэйла, будет уместно дать слово этому специалисту. По его оценке, «не существует какого-либо единственного согласованного представления о реальном, «нормальном» или приемлемом отношении журналистики к обществу... мы имеем дело с широким диапазоном идей о целях и эффектах журналистики... Можно выделить три главных типа источников: 1) общая теория общества, главным образом социологическая и объективная в своей направленности; 2) включение данных эмпирического исследования в социологию труда и профессий; 3) социально-нормативная теория прессы...» [23, р. 49].

Не только в общей совокупности теорий, но и среди собственно нормативистских построений единообразие не предполагается. По мнению автора статьи в «Международной энциклопедии коммуникации», их целевые установки «лучше всего могут быть поняты, если соотносить их с более широкими стремлениями — к хорошему обще-

ству. В принципе, есть столько же нормативных теорий журналистики, сколько существует политических систем, от марксизма-ленинизма до разнообразных концепций демократии» [21, р. 2591–2592].

В приведенных характеристиках заслуживает внимания не столько ссылка на множественность теоретических направлений (этот факт принимается априори), сколько признание ценности всей их совокупности. Если нельзя считать общепринятой нормой какую-либо отдельную концепцию, то само по себе наличие множества теорий выступает как безусловный норматив для науки. По всей видимости, это касается и разнообразия национально-культурных подходов к построению теорий.

В этой точке возникает необходимость сойти с проторенного западными исследователями пути. Как бы ни различались предлагаемые ими версии, исторически первым опытом формулирования нормативных теорий они неизменно называют работу Ф. Сиберта, Т. Питерсона и У. Шрамма «Четыре теории прессы», увидевшую свет еще в 1950-е гг. Например, финские исследователи пишут, что «“теории прессы” являются понятием, которое начиная с классических “Четырех теорий прессы”... типичным образом соотносится с ролью, которую медиа преимущественно играют в различных обществах, в прошлом и настоящем» [26, р. 146]. Сомневаться в правомерности выбора этой точки отсчета приходится не только потому, что знаменитая классификация американских профессоров сегодня воспринимается как весьма несовершенная. Цитированные финские авторы указывают на ее очевидное расхождение с положением массмедиа в современных обществах. Многочисленные примеры изменения и перетолкования состава нормативных теорий, встречающиеся в зарубежной литературе, подтверждают обоснованность столь резкой критики.

Однако еще больше сомнений пробуждает усеченность исторического времени, в пределах которого поднимались теоретические проблемы, связанные с ролью медиа в обществе. Сиберт, Питерсон и Шрамм в лучшем случае активизировали научный дискурс по этим вопросам, но ни в коей мере не явились его зачинателями. В западной литературе без труда можно найти упоминания о гораздо более ранних периодах дискуссий, например такое: «Преобладающая западная модель журналистики, доминировавшая в дискуссиях о нормативности в течение прошлого столетия, своим появлением обязана тем отношениям и методам работы, которые в конце XIX в. были сформированы усилиями относительно монопольных ежедневных газет и агентств новостей. Эта модель предполагает, что службы новостей относительно автономны от государства и что конкретные журналисты являются независимыми агентами, вовлеченными в отношения противостояния власти...» [24, р. 446]. В подобных констатациях не приходится искать ни новизны, ни почвы для полемики.

Есть основания утверждать, что нормативное содержание присуще большинству (если не всем) попыток теоретически обосновать ту или иную роль журналистики в обществе. Говоря о нормативных теориях, следует иметь в виду не их дисциплинарную принадлежность, а наличие идеала, элементов моделирования, интеллектуального конструирования наилучшего образа прессы; с известной степенью условности имеется в виду скорее «жанр» рассуждений, чем отдельная дисциплина. Хотя по традиции данное качество востребовано в первую очередь при социальном взгляде на журналистику и медиа, нормативными могут быть и относительно узкие, аспектные теории — например, задающие эталоны языка прессы или эстетики ее оформления.

Нельзя не согласиться с тем, что «ценностные воззрения направляют весь процесс исследования, и важно сделать неявные нормативные теории явными. Множество нормативных теорий больше, чем одна незаурядная теория, может помочь в раскрытии диапазона существующих стратегий и этического выбора, направляющих практику журналистики» [21, р. 2596].

Особенно мощным нормативным потенциалом обладает комплексное моделирование практики медиа, предписывающее «правильные» подходы и к социально-политическому статусу прессы, и к ее содержательно-тематическому наполнению, и к структурной организации, и к нравственным ориентирам, и к формам профессиональной деятельности и т.д. В таких случаях в анализ вовлекаются социально-культурные факторы развития журналистики. Концентрация внимания только (или главным образом) на отношениях прессы с властью и, соответственно, свободе печати порождает упрощенные схемы, которые быстро устаревают при изменении политической конъюнктуры.

На наш взгляд, эта проблема снимается, если изменить угол зрения на происхождение нормативных теорий. Вместо выстраивания разного рода версий отношений прессы с властью мы предлагаем обратиться к той системе координат, в которой формируются представления о «правильной» журналистике. Формируется ли идеал прессы в головах правителей и придворных идеологов, рождается ли он в непосредственном взаимодействии печати с жизнью, привносится ли из смежных областей научного знания и т.д. — вот какой ракурс рассмотрения нормативных теорий предлагается выбрать в качестве основного. Вряд ли при этом удастся перечислить и описать все существовавшие теоретические подходы и системы суждений. Но вряд ли есть и необходимость в создании подобных

реестров. Возможно, больший эффект даст выявление нескольких **типов нормативности**, построенных на различных основаниях.

Думается, что российский опыт служит особенно благодатной почвой для такого анализа. Относительная автономность страны, культуры, прессы от более или менее однородного европейского сообщества позволяла и даже вынуждала находить собственные решения общезначимых вопросов. Это касается, в частности, и нормативных представлений о печати, которые не могли не складываться задолго до появления канонизированных ныне теоретических разработок.

Вопрос о датировании истоков нормативно-теоретического подхода к прессе имеет, на наш взгляд, принципиальное значение для последующего анализа. Во-первых, хотелось бы придать реальную хронологическую глубину изучению нормативного аспекта размышлений о месте журналистики в обществе, в противовес ритуальным ссылкам на 1950-е гг.

В этой связи, во-вторых, открывается возможность обращения к национально-специфическим процессам в истории научной мысли, вместо воспроизведения той логики анализа, которая сформировалась на Западе и уже становится едва ли не общепринятой в нашей стране. Знаменательно, что здесь мы находим поддержку в смежных научных областях. В частности, автор социологического исследования российского медиапространства пишет, что «сегодня отечественная социология во многом закончила этап освоения зарубежных социологических теорий и концептуальных моделей, созданных зарубежными учеными. В связи с этим актуальным становится рассмотрение институциональных процессов, происходящих в российском социуме, с учетом специфики культурно-исторического развития нашей страны. Это в

полной мере относится к медиасистеме России...» [19, с. 4].

В-третьих, неверным был бы букавалитский подход к объекту изучения, при котором нормативные теории обязательно носят это название и получили оформление в виде развернутой концептуальной схемы. Нормативная теория может представлять, например, в виде устойчивой профессиональной идеологии и производных от нее методик редакционной деятельности, в том числе альтернативных по отношению к господствующим моделям практики, которые опираются на всесторонне осмысленное издателем *credo*, наконец, даже в виде непризнанных современниками взглядах и декларациях профессиональных принципов.

Не о том ли ведет речь современный норвежский исследователь, когда заявляет следующее: «Идеология журналистики в конечном счете может быть представлена как содержание доказательства того, что профессия важна в политическом, социальном и культурном смысле... Эту идеологическую аргументацию можно найти повсюду — в том, что журналисты делают, в практике новостных организаций и в столкновениях между профессионалами медиа и окружающей их средой» [27, р. 135]. Автор недвусмысленно солидаризируется с определенной идеологией, она же нормативная теория прессы: «Профессиональная идеология прессы сконцентрирована в том факте, что новости — это не только общественное служение, но они являются также — и, возможно, прежде всего — бизнесом. Это делает журналистскую идеологию хорошо совместимой с доминирующей идеологией...» [27, р. 143]. Заметим, что данные идейно-теоретические установки во многих западных странах закрепились на уровне здравого смысла, или общепринятого мыслительного стандарта.

Проводить параллели между, с одной стороны, теорией и, с другой сто-

роны, непосредственным опытом прессы, здравым смыслом профессионалов и общественности и т.п. можно лишь до известного предела. Дальше начинается либо замещение теоретической работы иными видами деятельности, либо полное отрицание смысла и значения науки о печати. К такому ходу размышлений исследователей подталкивают события из прошлого отечественной журналистики. Так, российский историк печати делает весьма категоричное заявление: «Теоретическая мысль власти в сфере журналистики, о которой обычно не говорят и не пишут, была практичной и фиксировалась главным образом в законодательных документах и рекомендациях. В этом смысле поучителен опыт императрицы России Екатерины II (1762–1796)». Вслед за тем он подвергает анализу официальные документы верховных властей, трактующие вопросы печати, и делает общий вывод: «Теоретическая мысль правителя страны искала в разных условиях необходимые варианты решения проблемы свободы печати... Собственно, эта практика зафиксировала очень существенный момент развития мысли: осуществление потребности управления огромным государством не всегда может ждать, пока ее осмыслят так называемые теоретики и напишут соответствующий трактат.

Этот вывод относится и к последующим периодам истории России» [28, р. 178].

Разногласия между представителями тех или иных субдисциплин в журналистике можно воспринимать как факт научной полемики, и тогда появляется новый стимул к отысканию истины. В нашем случае, когда приоритет в разработке концептуальных основ российской журналистики отдается официальным властям, также нужно оценить теоретическую значимость представленной историком печати точки зрения. Прежде всего, нет причин не доверять

приведенным квалифицированным автором фактам. Однако нормативность какого рода несут в себе спущенные «сверху» директивы, в какие бы формы они ни облекались? По идейному содержанию они непосредственно смыкаются с той линией представлений о прессе, которую в течение десятилетий принято называть авторитарной. Но можно ли эти представления в полной мере отнести к разряду теорий? Без долгих пояснений понятно, что властное, силовое решение практической задачи зачастую имеет мало общего с интеллектуальным поиском, хотя и не исключает его абсолютно. Это хорошо видно на материале нормотворческой деятельности.

Историки печати давно уже признали, что первая газета появилась в России по державной воле Петра I, а его Указ по этому поводу от 15 декабря 1702 года фактически положил начало правовому обеспечению издания периодики. Правда, это вовсе не означало, что вслед за тем была сформирована самостоятельная отрасль права, а именно законодательство о печати. С одной стороны, исследователи ссылаются на знаменитый труд К.А. Арсеньева «Законодательство о печати» (1903), который содержит значительное число нормативных документов дореволюционного времени. Это дает им повод утверждать, что законодательство в течение долгого времени реально складывалось и отличалось многообразием [16, с. 24]. С другой стороны, по словам одного из ведущих специалистов в области информационного права, «законодательство о средствах массовой информации традиционно развивалось в России прежде всего как “цензурное право”» [18, с. 298]. Автор делает вывод, который имеет прямое отношение к типу нормативности, присущей официальным актам: «До 12 июня 1990 г. (принятие советского Закона «О печати и других средствах массовой информации». — С. К.)... наличествовали

нормы, касающиеся отдельных вопросов функционирования периодической печати, радио и телевидения, однако никакой связи между ними не было и в целом они не образовывали единого механизма правового регулирования. Отсутствие правового регулирования компенсировалось партийными нормами» [18, с. 297].

Это сказано о советском времени. Но мы склонны распространить данную оценку и на дореволюционную практику нормотворчества. Характерные наблюдения делают историки печати в связи с попытками самодержавия облегчить бремя цензуры: «В законодательстве по надзору за прессой 1840–1860-х гг. обнаруживается закономерность. В определенные моменты верховная власть сама выдвигает... идею о составлении нового цензурного устава. Однако как только дело доходит до его утверждения, начинаются сомнения в целесообразности таких перемен... Причина здесь, очевидно, в том, что добротный разработанный устав 1828 г. в целом вполне соответствует условиям предупредительной цензуры» [11, с. 309–310]. Имеется в виду сохранение административного контроля с принятием либерального, по формальным признакам, закона о печати в царствование Александра II.

В цитируемом источнике подробно раскрываются взгляды юристов-теоретиков (Э.Н. Берендтс, В.Ф. Дерюжинский, И.Я. Фойницкий и др.), в большинстве своем отстаивавших приоритет правового регулирования в сфере прессы. Однако, в силу специфичности правового дискурса, они были призваны формировать не столько идеал самой журналистики, сколько желательную процедуру разрешения возникающих в связи с ней коллизий. К тому же центре внимания авторов оказывался не весь комплекс вопросов социального функционирования прессы, а прежде всего и главным образом вопрос о сво-

боде печати. Опыт детального исследования взглядов российских либеральных юристов на проблему свободы печати был проделан Е.П. Прохоровым на материале сочинений В.В. Берви-Флевровского, А.Д. Градовского и К.А. Арсеньева: «В процессе “нормального” развития Российского государства и общества пресса призвана отстаивать “всеобщий интерес”... должна играть важнейшую роль, служа делу просвещения народа, активно взаимодействовать с общественным мнением, открыто обсуждать практические вопросы жизни и бороться со всем, что мешает развитию страны...» [14, с. 34]. Но даже столь лояльные власти «поправки» к существующему порядку вещей весьма незначительной своей частью воплощались в официальные документы и, соответственно, не становились определяющими для своего времени.

Таким образом, к нормативности как целостному представлению о журналистике и ее месте в обществе прямое отношение имели политические установки официальной власти, которые, в свою очередь, нельзя отнести ни к разряду научной политологии, ни к правовой теории в собственном смысле слова. Нет оснований и для того, что рассматривать их в составе теории журналистики. Точнее всего этот тип нормативных представлений следует именовать **директивным**, т.е. порождаемым и вводимым в практическое действие силой административного распоряжения.

Вместе с тем попытки свести интеллектуальное моделирование печати в «старой» России лишь к принятию властных решений все же представляются скоропалительными и непродуктивными. Невозможно отрицать многочисленные примеры размышлений о назначении печатного слова и миссии журналиста и, стало быть, постановки теоретических проблем, хотя бы на начальном уровне. Надо только признать

это явление в науке, подобно тому, как зафиксировано формирование в России самобытных традиций эмпирических исследований в области печати, и отнюдь не в XX в. за счет «импорта» с Запада. Например, «истоки социологических методов следует искать еще в первых русских периодических изданиях XVIII в. Особо следует отметить “Труды Вольного экономического общества” (ВЭО) — ежемесячный журнал, созданный в 1765 г. в Петербурге... В первом же номере журнала была помещена анкета под названием “Экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций”...» [1, с. 201]. Научно-исторические изыскания показывают, что Н.А. Добролюбов явился пионером в использовании количественно-качественного изучения периодики (ныне этот метод известен как контент-анализ), а Н.Г. Чернышевский начал применять статистику для изучения читательской почты и т.п. [17].

Однако выявить элементы теоретико-нормативного знания о печати в истории отечественной мысли сложнее, чем найти факты проведения эмпирических опытов. Как правило, эти элементы растворены (или слиты) в других теоретических подходах: философских, политологических, социологических и др. Тем не менее задача уловить нормативно типичное остается.

Как в этом свете оценить величественную фигуру М.В. Ломоносова и его взгляды, выраженные в знаменитом «Рассуждении об обязанностях журналистов...»? Можно ли считать их сводом этических стандартов, как часто делается, тем более что сам автор именует свои предложения правилами? «Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику... должен прежде всего взвесить свои силы»; «нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение...»; «журналист не должен спешить с осуждением гипотез»; «он никогда не должен создавать себе слишком высокого представ-

ления о своем превосходстве...». И в самом деле, напоминает «рецептурный справочник» для сотрудника печати. Но если рассмотреть эти хрестоматийные положения в координатах всей подвижнической деятельности Ломоносова на благо Отечества, культуры и науки, то откроется их глубинная подоплека. Здесь поможет свидетельство современника, который точно определил систему идеалов русского гения. «Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения» [12, с. 46], — писал издатель, публицист и просветитель Н.И. Новиков. Несомненно, что и «прикладные» правила для журналистов продиктованы убежденностью в благотворности напряженной работы ума, духовности и честного познания; здесь даже можно найти почти дословные совпадения. Нет необходимости уточнять, что взгляды Ломоносова пронизаны рационалистическим и гуманистическим пафосом просвещения.

Что это, как не квинтэссенция идеала в журналистике? Идеал как модель и обязательное правило составляет существо нормативной теории. Но идеал определяет и направленность рассуждений в профессиональной деонтологии — как должное, или моральный императив [13, с. 33], сознательно воспринятый журналистом. В данном случае эти теоретические плоскости совмещаются. В отличие от наиболее распространенной логики нормативизма, в которой исходной точкой служат отношения прессы с властью и социумом, а из них выводятся нормы поведения, здесь личностное самоопределение журналиста выходит на первый план. Рискнем утверждать, что перед нами *профессионально-деонтологический* тип нормативного понимания журналистики.

Профессионально-деонтологический тип нормативности органичен российской публицистике, и он воспроизводился в суждениях о прессе видных

отечественных журналистов, а также, естественно, в их практике. С идеологических позиций Н.И. Новиков, А.И. Радищев, Д.И. Писарев, Н.Г. Чернышевский и другие публицисты во многом различаются между собой. Но в их высказываниях о назначении публичной словесности мотив личного морального служения и призванности звучит как доминирующий. По каким признакам Н.А. Добролюбов оценивает произведение М.Е. Салтыкова-Щедрина? «В массе же народа имя г. Щедрина... будет всегда произносимо с уважением и благодарностью: он любит этот народ, он видит много добрых, благородных, хотя и не развитых или неверно направленных инстинктов в этих смиренных, простодушных тружениках» [7, с. 362]. Какую миссию выбрал для себя А.И. Герцен в 1860-х гг., когда в ряде европейских держав широко развернулась антирусская кампания? По заключению современных историков, он «считал своим долгом говорить от имени страны и русского народа, рассказывая, как прорастали в России ростки демократического движения, как российское общество сумело консолидироваться в деле освобождения крестьян и какую роль сыграли в этом правительство и русская печать» [6, с. 206]. Какое наследие отечественной печати хотели сберечь публицисты перед натиском коммерциализации на рубеже XIX и XX вв.? «Газетное и журнальное издательство является у нас поприщем не для выгодного помещения капитала, а для самоотверженного общественного служения... — заявлял в начале XX в. либеральный публицист Л.З. Слонимский. — Твердо установившиеся традиции русской журналистики позволяют надеяться, что в ней никогда не удастся восторжествовать чисто коммерческому капиталистическому духу» [15, с. 178, 181].

Примерам такого рода, как бы развертывающим деонтологическую пер-

спективу в понимании общественного функционирования прессы, нет числа. Журналистика как пространство и шанс морального выбора, как служение и даже — личный подвиг не просто характерна для России в ее прошлом. Такое понимание роли прессы (не будет преувеличением сказать — теоретическое понимание) оказало мощное влияние на организацию и методы повседневной редакционной практики.

Полнее всего это влияние выразилось в формировании традиций и опыта российской публицистики как уникального для мировой журналистики феномена. Феномен публицистики, с его контрастно проявленной личностью автора, находится в оппозиции к нормативным стандартам западной прессы. Авторская публицистика плохо согласуется с принятыми там трактовками журналистики как преимущественно информационного явления, как медиа и т.п. Соответственно, ей чужды нормативные каноны так называемой объективности, отстраненности от общественной злобы дня, формального разделения фактов и мнений. Это ясно осознают европейские исследователи, берущиеся сравнивать «аномальную» восточноевропейскую модель прессы с «нормальной» западноевропейской. Польский профессор К. Якубович, тяготеющий к западной школе журналистики, писал об этом так: [В Центральной и Восточной Европе есть стремление к тому, чтобы журналисты стали рупором для людей]. «Это... — отражение традиционной роли интеллигенции в Центрально- и Восточноевропейских странах. Это приводит к образованию такого типа журналистики, в которой господствует убеждение...».

Соответственно, существующие нормативные концепции журналистики объединили в себе такие журналистские стандарты, как дидактичность, лидерство и защита / руководство *vis-à-vis* аудитория, особую форму пара-

дигмы социальной ответственности, критическую / диалектическую роль в обществе, предназначая аудитории главным образом роли учеников, рядовых граждан, приверженцев и последователей» [22, р. 75].

По всей видимости, для сторонников жестких стандартов профессионального труда, вытекающих из столь же жестко формализованных нормативных теорий, будут казаться избыточной вольностью рассуждения о творческой свободе журналиста в выборе способов деятельности. Между тем именно так судят о соотношении правила и свободы отечественные исследователи: «Представленные в творческом методе журналиста нормы и правила, в соответствии с которыми осуществляется его деятельность, имеют специфический характер — вероятностный, вариативный. Как только исчезает понимание гибкости норм и правил и они отождествляются с некими шаблонами, исчезает и творческий характер профессии» [4].

Мы склонны видеть в таком способе рассуждений о методике журналистского труда прямую связь и отражение российской профессионально-деонтологической традиции в нормативном понимании журналистики.

Было бы неверно и несправедливо по отношению к деятелям российской журналистики ограничивать спектр нормативных взглядов только представленными выше направлениями. Россию не могли обойти стороной процессы, которые развивались в соседних государствах, прежде всего в Европе. Соответственно, характерный для европейцев **профессионально-прагматический** тип нормативности в журналистике неизбежно должен был найти своих адептов в нашей стране. Понимание газетно-журнального дела как высокоразвитой индустрии, производящей продукцию отменного качества и преуспевающей на рынке това-

ров, обусловлено объективным ходом истории. Российский опыт в данном отношении вряд ли несет в себе принципиальные отличия от западного. Разве что он стал формироваться позже и под значительным влиянием зарубежного опыта и взглядов на печать. Как определенно заявляют историки, лозунг свободы печати «в его буржуазном толковании русские предприниматели от журналистики... выдвинули сравнительно поздно... такие представители русской буржуазии, как Трубников, Краевский и другие, лозунг "свободы печати" стали употреблять лишь во второй половине XIX в., да и то сначала в официальных прошениях, а не в публичных выступлениях» [8, с. 19].

Это, конечно, не означает, что стремление к предпринимательской выгоде не было свойственно издателям в XVIII–XIX вв., или что отсутствовали коммерчески успешные начинания. Они не только набирали все больше силы в газетно-журнальной отрасли, но и сыграли заметную роль в совершенствовании профессиональной техники и мастерства. Иное противоречило бы законам бизнеса, интересы которого толкают вперед качество товарной продукции. Деятельность успешных издателей и редакторов, которых советская историография относила к числу политических реакционеров (вероятно, не без оснований), «во многом имела революционное значение, так как способствовала прогрессу именно журналистики: создание определенного типа издания... борьба за повышение в глазах власти и общества роли журналистики, развитие профессионализма журналистики и др.» [9, с. 7].

Однако предпринимательские мотивы не доминировали в профессионально-идеологическом дискурсе, а их носители и выразители пробуждали, мягко говоря, неоднозначное отношение к себе. К примеру, современные биографы успешного издателя и ре-

дактора А.А. Краевского констатируют, что о нем «чаще всего писали как о литературном барышнике, безжалостном эксплуататоре литераторов, преследовавшем в своей издательской деятельности исключительно финансовые интересы» [5, с. 6]. Настороженное отношение к установке на коммерческий успех закрепилась у многих видных деятелей журналистики надолго. «Капитализация литературы имеет немало отрицательных сторон, так что даже и на то хорошее, что при этом делается, ложится какая-то особая тень сомнения или же прямо накладывается коммерческое клеймо» [10, с. 145], — утверждал в свое время публицист-народник С.Н. Кривенко.

Ярким воплощением прагматической профессиональной идеологии служат издательская стратегия и практика О.И. Сенковского, вошедшего в журналистику под псевдонимом Барона Брамбеуса. Примечательно и то, что он являлся большим поклонником английской журнальной прессы, и то, что ему пришлось испытать на себе непонимание многих современников, граничившее с неприязнью. Однако надо заметить, что в его деятельности «коммерческое клеймо» проступает не как главная примета, в то время как отчетливо просматривается стремление добиваться успеха за счет высокой культуры издательского производства и достижения согласия и взаимодействия с аудиторией.

В литературе о жизненном и творческом пути Сенковского в суммированном виде описывается идеальная модель журналистики, которую он стремился реализовать в своем журнале «Библиотека для чтения». На наш взгляд, она точно соответствует профессионально-прагматической нормативности в области печати. Данная модель, в сокращении, предполагает:

– просветительскую программу, т.е. предоставление информации, рас-

ширяющей умственный и нравственный горизонт читателя;

– ответственность журналиста перед читателем, отказ от злоупотребления его доверием;

– отказ от недобросовестной конкуренции;

– учет уровня читательского познания;

– заботу о комфорте процесса чтения, которая заключается в приятном и аккуратном оформлении журнальных книжек, тщательном соблюдении сроков выхода и др. [20, с. 30–31].

Образ респектабельного британского издания угадывается за этой программой. Вместе с тем она воплощалась в жизнь на российской почве и послужила развитию целого направления в отечественной журналистике, весьма популярного в читательской среде. Как отмечается в литературе, «Библиотека для чтения» «стала идеальным воплощением типа толстого энциклопедического журнала, который функционировал в русской журналистике почти на протяжении целого века: с 1820-х гг. до революции 1917 г.» [20, с. 222]. Нельзя не увидеть в приведенной оценке переключку с просветительским пониманием миссии прессы, столь органичным для российской традиции и в широком диапазоне проявлений встречающимся как в директивном, так и в профессионально-деонтологическом типах нормативных взглядов на журналистику. Это дает нам основание включать данное направление профессиональной идеологии в число характерных для России явлений.

Рассмотренные выше, более или менее подробно, типы представлений о журналистике далеко не полностью совпадают с классификациями нормативных теорий прессы, предлагаемыми зарубежной литературой, — ни с канонизированными, ни с относительно новыми. Трудно, например, провести прямые параллели с составом теорий,

который дается в работах Д. МакКуэла: «Либеральная теория поднимает индивидуальную свободу выражения и публикации выше *всех других целей и форм отношений к широкому обществу...<...>* Теория общественного интереса охватывает все ветви теории, которые ставят перед работой журналистов ряд определенных социальных целей, исходя из некоторых высших интересов и широко понимаемой общественной пользы... *Коммунитаризм...* главным образом... направлен на потребности малых сообществ, групп и меньшинств... Журналистика *развития* выявляет для журналистики особую роль в условиях ограниченного простора для медиа... Есть некоторое давление на журналистов с целью подчинить их личные или профессиональные интересы общей пользе... <...> *Критическая социальная теория* определенно избегает предписывать любую надлежащую роль журналистики в обществе... По существу, это критический анализ реальной роли, которую играет журналистика... в доминирующей форме общества определенной эры...» [23, р. 50–51].

Несомненно, некоторые точки пересечения в том или ином случае найдутся, но ни в коей мере не являются знаками совпадения. Например, теория общественного интереса имеет черты сходства с выделенным нами профессионально-деонтологическим типом, но первая настроена в основном социально, тогда как последний заключает в себе явно выраженную моральную детерминанту. Охранительная и государственническая профессиональная идеология (например, в случае М.Н. Каткова) только на предельном уровне абстракции может переключаться с журналистикой развития или авторитарной теорией и т.д. Поэтому истинным следует признать вывод финского аналитика журналистики, который считает, что «российская

система медиа уникальна в ее историческом развитии». Правда, продолженные высказывания — «ее современный характер больше не является чем-то особенным, а, скорее, служит более

или менее типичным материалом для того, чтобы выявлять универсальные проблемы» [25, р. 186] — заслуживает дополнительного анализа и, возможно, критического переосмысления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов А.И. Первые социологические исследования в русской журналистике / А.И. Акопов // Некоторые вопросы журналистики: история, теория, практика (публикации разных лет). — Ростов н/Д, 2002.
2. Алексеева Т.А. Современные политические теории. / Т.А. Алексеева. — М., 2000.
3. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции / Г.П. Бакулев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2010.
4. Горохов В.М. Масс-медиа: творчество и институты. / В.М. Горохов, И.М. Дзялошинский // Медиаскоп. — 2012. — № 4. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/1219>.
5. Громова Л.П. А.А. Краевский — редактор и издатель / Л.П. Громова. — СПб., 2001.
6. Громова Л.П. Русский голос «с того берега» / Л.П. Громова // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения / отв. ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб., 2012.
7. Добролюбов Н.А. Губернские очерки / Н.А. Добролюбов // Сочинения Н.А. Добролюбова: в 4 т. — СПб., [ок. 1900]. — Т. 1.
8. Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России. / Б.И. Есин. — М., 1981.
9. Жирков Г.В. Журналистика: исторические этюды и портреты / Г.В. Жирков. — СПб., 2007.
10. Кривенко С.Н. Газетное дело и газетные люди. / С.Н. Кривенко // Избранные страницы русской журналистики начала XX века / сост. Б.И. Есин, С.Я. Махонина. — М., 2001.
11. Макушин Л.М. Цензурный режим и система русской периодической печати в эпоху великих реформ Александра II : дис ... д-ра филол. наук / Л.М. Макушин. — СПб., 2010.
12. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях (отрывок) / Н.И. Новиков // В храме памяти. Литературно-критические работы о М.В. Ломоносове 1765–1865 / вступ. ст., коммент. и примеч. Т.Ф. Пирожковой. — М., 2011.
13. Панкеев И.А. Журналистская деонтология: от суммы к системе. / И.А. Панкеев // Правовые и этические аспекты журналистики. Ежегодник 2012 / сост. и науч. ред. И.А. Панкеев. — М., 2013.
14. С рабочего стола Е.П. Прохорова // Книга памяти профессора Е.П. Прохорова: Научные статьи. Воспоминания / отв. ред. И.Е. Прохорова. — М., 2013.
15. Слонимский Л.З. Периодическая печать и капитализм. / Л.З. Слонимский // Избранные страницы русской журналистики начала XX века. — М., 2001.
16. Таловов В.П. Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации и журналистская деятельность. / В.П. Таловов // Социальное функционирование журналистики / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 1994.
17. Таловов В.П. У истоков социолого-журналистских исследований в России. / В.П. Таловов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 1993. — № 5.
18. Федотов М.А. Позитивное право массовой информации. / М.А. Федотов // Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации / ред.-сост. А.Г. Рихтер. — М., 1999.
19. Шелонаев С.И. Институционализация медиапространства в российском обществе : автореф. ... д-ра социол. наук / С.И. Шелонаев. — СПб., 2013.
20. Щербакова Г.И. Журнал О.И. Сенковского «Библиотека для чтения» (1834–1856 гг.) и формирование массовой журналистики в России / Г.И. Щербакова. — СПб., 2005.
21. Benson R. Journalism, Normative Theories / R. Benson // International Encyclopedia of Communication. — 2008. — Vol. VI. — P. 2591–2597.
22. Jakubowicz K. Rude Awakening: Social and Media Change in Central and Eastern Europe / K. Jakubowicz // The Public. — 2001. — Vol. 8 (1). — P. 59–80.
23. McQuail D. Journalism as a Public Occupation: Alternative Images / D. McQuail // Democracy, Journalism and Technology: New Developments in an Enlarged Europe: the Intellec-

tual Work of ECREA's 2008 European Media and Communication Doctoral Summer School / ed. by N. Carpentier, P. Pruulmann-Vengerfeldt, K. Nordenstreng, et al. — Tartu : Tartu University Press, 2008. — P. 47–59.

24. Nerone J. The Historical Roots of the Normative Model of Journalism / J. Nerone // Journalism. — 2013. — Vol. 14, № 4. — P. 446–458.

25. Nordenstreng K. The Russian Media System: Something Special? / K. Nordenstreng // Content, Channels and Audiences in the New Millenium: Interaction and Interrelations / ed. by E. Vartanova. — Moscow : Faculty of Journalism; Lomonosov Moscow State University, 2010. — P. 183–186.

26. Nordenstreng K. Normative Theories of the Media: Lessons from Russia / K., Nordenstreng J. Pietiläinen // Media, Communications and the Open Society / ed. by Ya. Zassoursky, E. Vartanova. — Moscow : Faculty of Journalism; Lomonosov Moscow State University, 1999. — P. 146–159.

27. Sjøvaag H. The Meaning and Function of Journalistic Ideology / H. Sjøvaag // Past, Future and Change: Contemporary Analysis of Evolving Media Scapes / ed. by I. Tomanič Trivundža, N. Carpentier, H. Nieminen, et al. — Ljubljana : Faculty of Social Sciences, University of Ljubljana Press: Založba FDV, 2013. — P. 131–145.

28. Zhirkov G. Interaction between Journalism and Journalism Theory in Russia: From the 18th to the Early 20th Century / G. Zhirkov // Russian Journal of Communication. — 2011. — Vol. 4, № 3/4 (Summer/Fall). — P. 177–197.

REFERENCES

1. Akopov A.I. The first sociological study in Russian journalism. *Nekotoryyye voprosy zhurnalistiky: istoriya, teoriya, praktika (publikatsii raznykh let)*. [Some problems of journalism: history, theory, practice (publication in different years)]. Rostov on Don, 2002. (In Russian).

2. Alekseyeva T.A. *Sovremennyye politicheskiye teorii* [Modern political theory]. Moscow, 2000.

3. Bakulev G.P. *Massovaya kommunikatsiya: zapadnyye teorii i kontseptsii* [Mass communication: Western theories and concepts]. Moscow, 2010.

4. Gorokhov V.M., Dzyaloshinskiy I.M. Mass Media: creativity and institutions. *Mediaskop = Mediascope*, 2012, no. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1219>. (In Russian).

5. Gromova L.P. A.A. *Krayevskiy — redaktor i izdatel'* [AA Krajewski — editor and publisher]. St. Petersburg, 2001.

6. Gromova L.P. Russian voice «from the other side». In Korkonosenko S.G. (ed.) *Sredstva massovoy informatsii v sovremennom mire. Peterburgskiy chteniya* [Media in the modern world. Petersburg read]. St. Petersburg, 2012. (In Russian).

7. Dobrolyubov N.A. *Gubernskiy ocherki* [Provincial Sketches]. St. Petersburg, 1900.

8. Yesin B.I. *Russkaya gazeta i gazetnoye delo v Rossii* [Russian newspaper and the newspaper business in Russia]. Moscow, 1981.

9. Zhirkov G.V. *Zhurnalistika: istoricheskiye etyudy i portrety* [Journalism: historical sketches and portraits]. St. Petersburg, 2007.

10. Krivenko S.N. Newspaper business and newspaper people. In Esin B.I., Makhonina S.Ya. (eds). *Izbrannyye stranitsy russkoy zhurnalistiky nachala XX veka* [Selected pages of Russian journalism early XX century]. Moscow, 2001. (In Russian).

11. Makushin L.M. *Tsenzurnyy rezhim i sistema russkoy periodicheskoy pechati v epokhu velikikh reform Aleksandra II. Dokt. Diss.* [Censorship regime and the Russian system of periodical press in the era of great reforms of Alexander II. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2010. (In Russian).

12. Novikov N.I. Historical Dictionary of Russian Writers (excerpt). *V khrame pamyati. Literaturno-kriticheskiye raboty o M.V. Lomonosove 1765–1865* [In the temple of memory. Literary-critical work on the MV Lomonosov 1765–1865]. Moscow, 2011. (In Russian).

13. Pankeyev I.A. Journalistic deontology: on the amount of the system. *Pravovyye i eticheskiye aspekty zhurnalistiky. Yezhegodnik 2012* [Legal and ethical aspects of journalism. Yearbook 2012]. Moscow, 2013. (In Russian).

14. On the desktop. In Prokhorova I.Ye. (ed.) *Kniga pamyati professora Ye.P. Prokhorova: Nauchnyye stat'i. Vospominaniya* [Book in Memory of Professor Prokhorov: Scientific articles. Memories]. Moscow, 2013. (In Russian).

15. Slonimskiy L.Z. Periodicals and capitalism. *Izbrannyye stranitsy russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [Selected pages of Russian journalism early XX century]. Moscow, 2001. (In Russian).
16. Talovov V.P. The legislation of the Russian Federation on mass media and journalism. In Korkonosenko S.G. (ed.) *Sotsial'noye funktsionirovaniye zhurnalistiki* [Social functioning of Journalism]. St. Petersburg, 1994. (in Russian)
17. Talovov V.P. At the root of sociology and journalism studies in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 10. Zhurnalistika = Newsletter of MGU, ser. 10. Journalism, 1993, no. 5.* (In Russian).
18. Fedotov M.A. *Pozitivnoye pravo massovoy informatsii* [Legislation of the Russian Federation on the media]. Moscow, 1999.
19. Shelonayev S.I. *Institutsionalizatsiya mediaprostranstva v rossiyskom obshchestve. Avtoref. Dokt. Diss.* [Institutionalization of media space in the Russian society. Doct. Diss. Thesis]. St. Petersburg, 2013.
20. Shcherbakova G.I. *Zhurnal O.I. Senkovskogo «Biblioteka dlya chteniya» (1834–1856 gg.) i formirovaniye massovoy zhurnalistiki v Rossii* [«Library for Reading» (1834–1856 gg.) And the formation of mass journalism in Russia]. St. Petersburg, 2005.
21. Jensen R. Journalism, Normative Theories. *International Encyclopedia of Communication*. 2008, vol. VI, pp. 2591–2597.
22. Jakubowicz K. Rude Awakening: Social and Media Change in Central and Eastern Europe. *The Public*, 2001, vol. 8 (1), pp. 59–80.
23. McQuail D. Journalism as a Public Occupation: Alternative Images. In Carpentier N., Prulmann-Vengerfeldt P., Nordenstreng K., et al. *Democracy, Journalism and Technology: New Developments in an Enlarged Europe: the Intellectual Work of ECREA's 2008 European Media and Communication Doctoral Summer School*. Tartu, Tartu University Press, 2008, pp. 47–59.
24. Nerone J. The Historical Roots of the Normative Model of Journalism. *Journalism*, 2013, vol. 14, no. 4, pp. 446–458.
25. Nordenstreng K. The Russian Media System: Something Special? In Vartanova E. (ed.) *Content, Channels and Audiences in the New Millennium: Interaction and Interrelations*. Moscow, Faculty of Journalism; Lomonosov Moscow State University, 2010, pp. 183–186.
26. Nordenstreng K., Pietiläinen J. Normative Theories of the Media: Lessons from Russia. In Zassoursky Ya., Vartanova E. (eds) *Media, Communications and the Open Society*. Moscow, Faculty of Journalism; Lomonosov Moscow State University, 1999, pp. 146–159.
27. Sjøvaag H. The Meaning and Function of Journalistic Ideology. In Tomanič Trivundža I., Carpentier N., Nieminen H. et al. (eds) *Past, Future and Change: Contemporary Analysis of Evolving Media Scapes*. Ljubljana, Faculty of Social Sciences, University of Ljubljana Press, Založba FDV, 2013, pp. 131–145.
28. Zhirkov G. Interaction between Journalism and Journalism Theory in Russia: From the 18th to the Early 20th Century. *Russian Journal of Communication*, 2011, vol. 4, no. 3/4 (Summer/Fall), pp. 177–197.